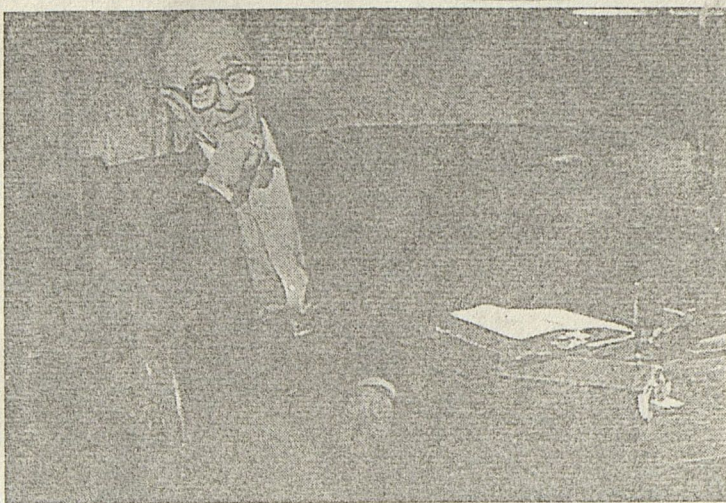

Непомнящий Валентин Состоявшийся Пушкин

5.11.03,

“Пушкин и судьбы русской культуры”
в интерпретации Валентина Непомнящего

В. Непомнящий

Любая литературная телепередача непременно вызывает у меня (за других утверждать не берусь) некоторую предварительную опаску: как сие сделано, о чем пойдет речь? Не будет ли это бенефис очередного “веда”, озабоченного скорее собой, чем кормильцем и работодателем? Не будет ли это большая сытная порция литературных иллюстраций к политической истории? И — самый соблазнительный вариант — не будет ли это бодрое плавание-фыркание в подробностях личной жизни автора, на фоне которых его литературное творчество выглядит посторонним фоном, таким театральным задником?

“Пушкин и судьбы русской культуры”. Вынос, как говорят журналисты, подчас важнее заглавия. А под именем серийного проекта “Плоды просвещения” название трехчастного цикла Валентина Непомнящего отчасти напоминает как раз газетный вынос.

Слово “судьбы” в упомянутом контексте вряд ли удачно. Надо полагать, имеется в виду разнообразие индивидуальных человеческих судеб тех, кто оказался причастен к созиданию русской культуры и причастность свою оправдал. А то ведь можно подумать, что у русской культуры имелся приличный выбор различных судеб и оставалось лишь приглядеть, как невесту на выданье, ту, которая поприятней.

Но не станем буквоедствовать. Игорь Северянин искренне полагал себя при жизни “повсеградно обэкраненным” и “повсесердно утвержденным”. Пушкин ни о чем таком и помыслить не мог, хоть и не дожил всего двух лет до появления первого дагерротипического оттиска. Тем выше и строже должна быть мера ответственности тех, кто “обэкранивает” не только пушкинские тексты, но и пытается дать телевидеоверсию уникального явления по имени Пушкин.

Валентин Непомнящий эту меру прочувствовал и удержал строго. За что ему глубокий поклон.

Говоря о Пушкине, нельзя выйти за пределы пушкинского универсума, имя коему — текст. Только текст и еще раз текст. Не плоская страница стандартной книги, но текст как единственно ныне доступный нам Пушкин. И скрытый за двухсотлетней дымкой времени литературный и бытовой контекст эпохи — контекст густейший, без знания истинных смыслов и коннотаций которого Пушкин непостижим.

Валентин Непомнящий, взяв инструментом труднейшее искусство корректной интерпретации литературных текстов, с виду просто ПРОЧЕЛ избранного Пушкина.

О, эта свойственная массам способность читать писанное и печатанное, разумея в нем подчас что угодно или вообще ничего, за исключением того, что хотел передать автор... Без умудренного опытом посредника обманчиво легкое искусство чтения сплошь и рядом подводит. Особенно когда речь идет о Пушкине с присвоенным ему статусом общепонятного, хрестоматийного автора.

На примере трех стихотворений 1828 года (“Воспоминание”, “Дар напрасный, дар случайный...”, “Анчар”) Валентин Непомнящий драматически воспроизвел (иначе не скажешь) ситуацию осознания поэтом тяжелейшей личной ответственности не только за каждое сказанное и написанное слово, но и за собственное бытие. Ибо тяжесть пушкинской миссии состояла в том, что он — один из немногих, а может быть, и вообще один-единственный, — понимал, КТО он таков есть в русской словесности и ЗА ЧТО ему придется отвечать, существу в настоящем и грядущему в грядущем.

От подобного осознания — один шаг либо до наложения на себя рук, либо до мании величия. Ни того ни другого не случилось. Состоялся Пушкин — заключенное в телесную оболочку явление творческого духа, выпадающее на долю национальной культуры ОДИН раз за всю ее историю.

Любовная лирика Пушкина (тоже, между прочим, превосходная в

своей простоте тематическая классификация — это “про это”, а остальное — про то) у нас традиционно интерпретировалась в школьном духе, как песнь торжествующей любви и образец наисовершеннейшего владения своими прекрасными чувствами, как апофеоз соответствия формы содержанию. Валентин Непомнящий смело озвучил хрестоматийные строки затем, чтобы показать, сколь нетривиальные и вселенские переживания были “вписаны” поэтом в строки любви и сколь велик труд правильного их “вычитывания”. Ведь традиционная, высокопарная канонизация целого ряда “великих любовей” — еще один из распространенных лакированных пушкинских ликов. Человеческую влюбчивость Пушкина и принятые им правила тогдашней светской любовной обходительности у нас стыдливо игнорировали, не соглашались признать, что нормальный мужской цинизм и неприкрытые любовные домогательства поэта, отнюдь не всегда сопровождавшиеся “победами”, — социальная норма того времени, а вовсе не свидетельство “низкого морального облика”. Это тот самый сор, из которого растут стихи в душе поэта и сплетни в устах его современников и неразборчивых, жадных до клубнички потомков.

Уверенное кафедральное профессорство — статус достойный. Однако Валентин Непомнящий, оказавшись в ситуации докладчика перед пустым залом (а съемка телепрограммы-монолог — именно такая ситуация), от названного статуса устранился. Вместо обстоятельной лекции, подкрепленной достаточно общим видеорядом, он выстроил живое рассуждение — ту самую науку мыслить и понимать, которая рождается и усваивается именно в процессе, в немедленном, сиюминутном облечении мысли в слово. А если помнить, что изначально замыслу слово, рождающее мысль, — это пушкинское слово, что анализ и интерпретация мгновенно прорастают и вспать, и вперед, и в иные пласты культуры, что исследуемое культурное пространство объемно и многокоординатно, то высший пилотаж налицо.

Жанр отзыва требует соглашаться не со всем. Мол, и рецензент тоже не лыком шит, и у него свое видение имеется.

Трудно сказать, так ли обстояли дела в отношениях Пушкина и митрополита Филарета (Дроздова), как их интерпретировал Валентин Непомнящий. Фигура фактического главы русской церкви той эпохи весьма противоречива, деяния за ним числятся самые разнообразные и не всегда лучезарные, а его “парафрастический” отклик на “Дар напрасный...” свидетельствует лишь о неплохих версификаторских способностях владыки и о его высокоразвитом (профессиональном!) умении вразумлять оступившихся пастырским внушением. Хотя сам факт архиерейской корректуры светски-стихотворного соблазна доказывает, что владыка верно оценил масштаб личности вразумляемого и знал, на кого идет.

Пушкинистика без Пушкина вполне возможна, как возможно отсутствие литературы де-юре при затоваренных де-факто книжных магазинах. 1999 год вызывал серьезные опасения насчет того, что “тема” может быть закрыта ввиду отдания запланированного количества юбилейных почестей и артиллерийского салютования, а Пушкин окончательно станет “нашим всем” и обратится в тиражируемый лейбл для футболок.

Обошлось. Пушкин умело защищает себя сам. Телевизионный цикл Валентина Непомнящего, далекий от ненужной апологетики, показал, сколь неисчерпаем пушкинский источник, какими гранями может играть примелькавшееся нелюбопытным читателям “хрестоматийное” слово, если его умело поворачивает в лучах света профессиональная рука.

Продолжение требуется настоятельно. Почти в духе перестроечного лозунга: “Побольше Пушкина!”

Андрей КРОТКОВ